

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ

ЗАПИСКИ

*Вестник литературоведения
и языкознания*

ВЫПУСК 31

И. А. Гончарову — 200 лет

Новый Человек: от чтения к подчинению

Типология и генезис рекурсивных текстов

Жанровая система лирического дискурса

Русская графика и орфография

Незавершенная повесть А. В. Дружинина

2012—2013

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО А. А. ХОВАНСКИМ В 1860 ГОДУ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ

ЗАПИСКИ

*Вестник литературоведения
и языкознания*

ВЫПУСК 31

ВОРОНЕЖ
2012–2013

ББК 80
Ф54

Редакционная коллегия:

**А. А. Фаустов (главный редактор),
В. М. Акаткин, А. Б. Ботникова, Г. Ф. Ковалев,
А. С. Крюков, А. Г. Лапотько, О. Г. Ласунский,
А. М. Ломов, Т. А. Никонова, С. В. Савинков,
И. А. Стернин, С. Н. Филюшкина**

Ф54 **Филологические записки** : Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 31. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга» ; Воронежский государственный университет, 2012–2013. – 470 с.
ISBN 978-5-4446-0256-0

«Филологические записки» – продолжающееся научное издание, которое развивает традиции одноименного воронежского журнала (1860–1917). На страницах вестника рассматриваются актуальные проблемы истории и теории литературы, языка, публикуются архивные материалы. Выпускается филологическим факультетом ВГУ.

Издание адресовано филологам-специалистам, учителям-словесникам, студентам, всем, кто интересуется литературой и вопросами языка.

ББК 80

ISBN 978-5-4446-0256-0

© Составление, оформление.
Воронежский государственный
университет, 2012–2013
© Авторы статей, 2012–2013

СОДЕРЖАНИЕ

И. А. ГОНЧАРОВУ – 200 ЛЕТ

Фаустов А. А. «Теперь или никогда»: заметки о гончаровской характерологии.....	5
Молнар А. Истоки концептов «страсти» и «любви» Гончарова.....	22
Гродецкая А. Г. Реминисценции «Новой Элоизы» в финальных главах «Обломова» и «Что делать?» (еще раз о «тоске» Ольги Ильинской в «крымской» главе романа Гончарова)	39
Ларин С. А. «Водка, пиво и вино...» в романе И. А. Гончарова «Обломов»	50

ЛИТЕРАТУРА В ДВИЖЕНИИ ЭПОХ

Геллер Л. Мысль Нового Человека: от чтения к подчинению	75
Орехов Б. В., Рыбина М. С. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде»: еще раз о сходствах и различиях.....	93
Корнильева Л. Н. Поэмы 1801–1814-го гг. в системе произведений Р. Саути.....	101
Житкова Л. Н. Литературная критика К. Аксакова в аспекте феноменологического опыта.....	112
Нагина К. А. Идеальный дом в романе Л. Толстого «Война и мир»	119
Савинков С. В., Соколова Е. В. Дочери Лилит	139
Козюра Е. О. От <i>двойника</i> к <i>близнецу</i> : Кузмин и Вяч. Иванов	145
Чернокова Е. С. «Окопный поэт» Айзек Розенберг: смерть на рассвете	155
Иваньшина Е. А. « <i>Яду мне, яду!</i> »: об одной системной метафоре в творчестве М. А. Булгакова.....	161
Пономарев Е. Р. Бунин и литература второй эмиграции: к постановке вопроса (Е. Гагарин, И. Елагин, Л. Ржевский, В. Самарин)	178
Федоровская С. Э. Мир литературы на страницах дневника И. А. Бунина	196
Гусаков В. Л. «...Болодатые дяди с олужием длуг с длугом иглают в войнушку...» (человек и грязная война в романе К. Ибрагимова «Детский мир»)	209

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Кретов А. А. Типология и генезис рекурсивных текстов.....	219
Тюпа В. И. Жанровая система лирического дискурса.....	246

Фаустов А. А., Розенфельд М. Я. О субъектно-рефлексивном анализе литературного текста. Эпизод I. «Детство» в индивидуальном лексиконе Г. М. Умывакиной	287
---	-----

ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

Припадчев А. А. Проблемы синхронии и диахронии русского языка ..	309
Овсянников М. С. Спорные вопросы теории русской графики и орфографии (обозначение твердости и смежные вопросы)	334
Козюра Т. Н. Грамматическая категория возвратности во французском языке	360

ИЗ МИНУВШЕГО: ВОСПОМИНАНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

Алдонина Н. Б. К предыстории повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс»	364
Дружинин А. В. «Года три тому вместе жили в Петербурге два молодых человека...» (незавершенная повесть). <i>Публикация и примечания Н. Б. Алдоиной</i>	367

АСПИРАНТСКАЯ ТРИБУНА

Ваганова О. К. Повествовательные стратегии «стыда» в творчестве Ф. М. Достоевского	385
Ермишова О. А. Скука и тоска в «Арабесках» Н. В. Гоголя: несколько наблюдений	403
Кухтина Н. И. Сон-греза и расширение «Я» в творчестве Л. Н. Толстого	407
Щербакова П. О. Трамвайный путь в прозе М. Зощенко	414
Кудрявцева Т. Ю. Корреляция деепричастных оборотов в границах предложения	422

ИМЕНА, КНИГИ, СОБЫТИЯ

Заварзина Л. Э. К юбилею А. Н. Николукина	428
Пантелеев И. В. В единстве – многообразии: духовная культура Воронежского края, отраженная в культуре России	437
Недосейкин М. Н. Бодлер-палимпсест	440
Телятник М. А. Живая книга	445
Пестерев В. А. Личность писателя и личность исследователя	448
Штраус Л. Выйти из богоубежища	451
Недосейкин М. Н., Филюшкина С. Н., Чугунов Д. А. Нарратологический подход к тексту: проблемы теории и художественная практика ..	455
Ботникова А. Б. Они не зря учились	463

Е. О. Козюра
ОТ ДВОЙНИКА К БЛИЗНЕЦУ:
КУЗМИН И ВЯЧ. ИВАНОВ

*Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-04-00041
«Семиотика и типология русских литературных характеров
(XVIII – начало XX вв.)»*

Событийной основой *второго* вступления к стихотворному циклу «Форель разбивает лед» (1927), как хорошо известно, стал сон, приснившийся Кузмину и зафиксированный им в дневниковой записи от 4 августа 1926 года¹. Но это обстоятельство не отменяет наличия и собственно литературных параллелей к сцене чаепития

¹ См.: Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 176–178.

с *непрошенными гостями-мертвецами*². Любопытные пересечения со вторым вступлением обнаруживает адресованное Ю. Н. Верховскому³ «Послание на Кавказ» (1912) Вяч. Иванова⁴, в котором, помимо всего прочего, на правах эпизодического «действующего лица» упоминается и сам Кузмин: «Обедаем вчера на Башне мирно: / Семья, Кузмин, помещик-дилетант» (III, 56)⁵. Центральная сцена послания связана с реальным случаем: неожиданным появлением во время обеда *старинного ученика* Иванова⁶, которое снабжается следующей характеристикой: «Поистине, гостей Весна изводит / На белый свет из сумрачных могил / И мертвых дней виденья оживляет!...» (III, 56). Встреча с (уподобленным выходцу с того света) гостем из прошлого дает поэту возможность сравнить с ожившим мертвецом уже самого себя («не умер ли с тех пор твой друг не раз»): этим сравнением Иванов манифестирует нередкий в его творчестве мотив человеческой жизни как цепи «двойников, отрицающих, умерщвляющих один другого» («Копье Афины», I, 732). В послании данный мотив интерпретируется по аналогии с

² Исследователями уже отмечались пушкинские параллели ко второму вступлению: стихотворение «Утопленник» (*Ковзун А. А.* Возможный подтекст Б. Садовского в «Двенадцатом ударе» М. Кузмина на фоне семантической традиции четырехстопного хорея. Кадьево, 2006. С. 26–27) и повесть «Гробовщик» (*Панова Л.* «Форель разбивает лед» (1927): диалектика любви. Ст. 2. Жанровое многоголосие // *Toronto Slavic Quarterly*. 2011. № 37. С. 9 (прим. 4)).

³ О стихотворной переписке двух поэтов см.: *Лавров А. В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура. Томск; М., 2003. С. 194–204.

⁴ О творческих связях Иванова и Кузмина см.: *Barnstead J. A.* Mikhail Kuzmin's «On Beautiful Clarity» and Viacheslav Ivanov: A Reconsideration // *Canadian Slavonic Papers*. 1982. Vol. 24. No. 1. P. 1–10; *Силард Л.* «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 243–245; *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 163–165, 182–185, 211–224; *Дмитриев П. В.* 1) М. Кузмин и Вяч. Иванов: К вопросу о творческих соприкосновениях // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 2010. С. 533–540; 2) Вяч. Иванов и Кузмин: К истории одного недоразумения // *Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева*. М., 2011. С. 112–116.

⁵ Здесь и далее произведения Вяч. Иванова цит. по: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. I–IV. Брюссель, 1971–1986, с указанием тома и страницы в тексте.

⁶ Кузмин отметил этот эпизод в своем дневнике (20 марта 1912 года): «Пришел бывший ученик Вяч<еслава>, цирковой борец, с племянником из Ярославля. Забавно, будто Александрия» (*Кузмин М. А.* Дневник 1908–1915. СПб., 2005. С. 342).

метемпсихозом: «Вот что со мной вчера случилось, друг! / Сместились эпохи жизни долгой / И пестрою мелькнули чередой / В причудливой, невероятной смене. / Поистине, я умирал не раз / И на лицо земное возвращался, / Помолодев и вид переменяв <...> Я начал, помню, жить / В ночь лунную, в пещерах Колизея. / И долго жил той жизнью, живой / Впервые. Вновь потом я умер. Боль / Смертельная той смерти все жива... / Опять живу – и говорю с тобой» (III, 57–58).

Композиционная схема интересующей нас части послания – встреча с гостем из прошлого (сравниваемым с ожившим мертвецом) и последующее рассуждение о черед сменяющихся друг друга рождений и смертей «я» – находит соответствие как в тексте второго вступления, где присутствующий среди мертвых гостей живой Юркун оказывается еще *не рождавшимся*, так и в сюжете всего цикла, своеобразным резюме которого можно считать строку из *восьмого удара*: «Чтоб вновь родиться, надо умереть»⁷.

«Ивановский» контекст мотива встречи с мертвецами возникает в более раннем стихотворении «Серым тянутся тени роєм...» (1922)⁸, в свою очередь ставшем авторским претекстом второго вступления⁹. Финальная строфа текста, строящаяся как перечень разнообразных эпитетов оживляющего мертвецов *сердца*, включает в себя и следующие: «Жертва и жертвоприноситель, / Умиравший воскреситель» (474). Здесь отразилось как характерное для «дионисийского» дискурса¹⁰ Вяч. Иванова отождествление жреца и жертвы¹¹, так и специфика ивановского стиля: лексема *жертвоприноситель*, в стихах Кузмина больше не встречающаяся и не

⁷ Кузмин М. А. Стихотворения. СПб., 1999. С. 539. Далее стихотворения Кузмина цитируются по этому изданию, с указанием страницы в тексте.

⁸ Напомню, что вмешательство выходов с того света в жизнь живых людей лежит также в основе сюжета повести Кузмина «Покойница в доме» (1912), обыгрывающей взаимоотношения Вяч. Иванова и А. Р. Минцловой.

⁹ Отмечено в: Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. 6. № 3. P. 290 (прим. 116).

¹⁰ Подробное изложение «дионисийских» идей Иванова периода его наиболее тесного общения с Кузминым см.: Александрова А. Дионисийский комплекс идей раннего Вячеслава Иванова // Studia Slavica Hungarica. 2001. Vol. 46. С. 361–394.

¹¹ «Вот исконная диада религии Диониса: он – жертва, и он же – жрец» («О существе трагедии», II, 194). Ср. в собственно стихотворных текстах: «Жрец» нарекись и знаменуйся: «Жертва» («Слоки», I, 743); «я буду, верный воин, / Жрец и жертва, лунный храм стеречь» («Жрец озера Неми», II, 294).

характерная для других авторов начала XX века, наличествует в статьях Иванова «Предчувствия и предвестия» (1906), «О существе трагедии» (1912) и «Взгляд Скрябина на искусство» (1919) (где *жертвой и жертвоприносителем* оказывается художник)¹². В то же время к цитированным строкам Кузмина отыскиваются и конкретные «ивановские» параллели: это третье стихотворение из цикла «Бессонницы» (1911), посвященное встрече лирического «я» с *бесплотным двойником* (который также ассоциируется у Иванова с *восставшим из гроба мертвецом*): «Супостат – / Или союзник? / Мрачный стражник? бледный узник? / Кто здесь жертва – кто здесь жрец? – / Воскреситель и мертвец?» (II, 309), а также одно из стихотворений «солнечного» цикла: «Сердце – милостный губитель, / Расточитель, воскреситель» («Завет Солнца», II, 233).

В «дионисийском» ключе Кузмин истолковывает задачи поэтического творчества: поэзия как выражение коллективного опыта¹³ уподоблена жертвенному действию, в котором поэт соотносим с Дионисом, *богом мертвых и сени смертной*, богом «умирания мученического, и сокровенной жизни в чреватых недрах смерти, и ликующего возврата из сени смертной, «возрождения», «палингенезии» («Ницше и Дионис», I, 718): если в стихотворении «Мои предки» (1907) (прообразе разбираемого) поэт давал новую жизнь умершим, репродуцируя их *голоса*¹⁴, то в рассматриваемом тексте он вызывает к жизни *давно истлевших, нерожденных и даже несуществовавших*, жертвуя им свою *кровь*: подобно тому как Дионис у Иванова оказывается предвестником Христа, жертвоприношение у Кузмина сближается с обрядом причастия («выпейте священной крови»).

Итак, поэтическое творчество предстает расширяющим границы «я» обрядовым взаимодействием с умершими, которое, однако, принципиально отличается от дионисийской «эпидемичес-

¹² Позже она возникнет в незаконченной пьесе «Наль и Дамаянти» (1934–1935).

¹³ Ср.: *Shvabrin S.* «The Burden of Memory»: Mikhail Kuzmin as Catalogue Poet // *The Many Facets of Mikhail Kuzmin: A Miscellany.* Bloomington, 2011. P. 11–24.

¹⁴ «Все вы, все вы – / вы молчали ваш долгий век, / и вот вы кричите сотнями голосов, / погибшие, но живые, / во мне: последнем, бедном, / но имеющем язык за вас» (57–58). О категории *голоса* у Кузмина ср.: *Фаустов А., Козюра Е.* Воплощение голоса: вокруг одного бахтинского термина // *Порядок хаоса – хаос порядка.* Сборник статей в честь Леонида Геллера. Bern etc., 2010. С. 181–183.

кой коммуникации»¹⁵, отрицающей любую индивидуальность. Для Кузмина неприемлем ивановский «восторг потери себя в хаосе»: выход «из граней эмпирического я» (I, 719) у него осуществляется не путем слияния множества в некое коллективное (*собирательное*) тело (делающее каждого конкретного индивида причастным «к единству я вселенского»), а по принципу обмена, посредником в котором выступает *дающее, берущее, пьющее, напояющее* сердце.

Соответствующая категория занимает важное место в дионисийских построениях Иванова («Дионис – вечное чудо мирового сердца в сердце человеческом, неистомного в своем пламенном биении», I, 719), поэтическое воплощение получивших, в частности, в цикле «Солнце-сердце» (1911), нашедшем полемика отклик в стихотворении Кузмина.

В цикле доминируют созвучные «жертвенной» позиции кузминского лирического субъекта мотивы «альтруистической любви, самоотдачи, служения одного всем»¹⁶, причем отношения Солнца и сердца описываются как двойничество, которое должно упраздниться их экстагическим слиянием¹⁷: «Лик явленный, сокровенный / Мы сольем, воскреснув, оба, / Я – в тебе, и ты – во мне!» («Солнце-двойник», II, 236). Ивановским *correspondances* («сердце в смертном – солнце пылающее, / И солнце – вселенной сердце, желающее / Бессмертных закланий!» («Псалом солнечный», II, 235)) Кузмин противопоставляет «живое, не метафорическое сердце», в «осмотическом» взаимодействии с *теньями* отнюдь не теряющее своей «отдельности». Схожая логика определяет трансформации уже упоминавшегося претекста из «Бессонниц»: *бесплотный двойник* у Кузмина замещается целым *роем теней*, но выходцы с того света не превращаются в *ряд встающих двойников* лирического «я».

В категориях двойничества Иванов истолковывает отношения, в которых находятся отдельно существующее человеческое «я» и Я надличностное (сердце и Солнце, личина и Лик): «В личине Я – Не-Я (и Я ему уликой!), / Двойник Я сущего и призрак блед-

¹⁵ См.: *Murašov J.* Im Zeichen des Dionysos. Zur Mythopoetik in der russischen Moderne am Beispiel Vjačeslav Ivanov. München, 1999. S. 72–76.

¹⁶ *Корецкая И. В.* О «солнечном» цикле Вячеслава Иванова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 1. С. 55.

¹⁷ Ср.: *Проскурина В.* «Cor Ardens»: смысл заглавия и эзотерическая традиция // Новое лит. обозрение. 2001. № 51. С. 201–210.

ноликий; / Бог, мертвый в гробе Я до третьего утра» («EIPHHH», I, 694). Соответственно, встреча с (мертвым) двойником у Иванова являет собою ключевой момент инициатического перерождения человеческой личности: это встреча человека со своим же *мертвенно-неподвижным Я*, «двойником, тоскующим святою тоскою по реальному инобытию» («Мысли о поэзии», III, 663), переход к которому осуществим путем «раскрытия в личности сверх-личного содержания, ее внутреннего я, вселенского по существу» («Эстетика и исповедание» II, 569).

В статье «Революция и народное самоопределение» (1917) явление двойника истолковывается Ивановым как встреча со *стражем порога* (образ, восходящий у Иванова к учению Р. Штейнера¹⁸): «Говорят тайновидцы, что на пороге духовного перерождения встает перед человеком страж порога, преграждающий ему доступ в светлейшие обители. <...> Каким же является человеку роковой страж-испытатель? Им самим, его собственным двойником, собравшим и отразившим в своем обличии все низшее и темное, что доселе пятнало белую когда-то одежду паломника и мрачило в нем образ и подобие Божии. <...> И если, «с отвращением читая жизнь мою», я в самом трепете этого сжигающего меня проникновения все же не усташусь своего живого зеркала и не утрачу веры в свое истинное Я, видя его в столь печальном искажении и унижении, – тогда только я могу двинуться навстречу двойнику и пройти через него, сквозь него – к тому, что за ним, – кто за ним? Если я найду в себе сосредоточенную силу прильнуть к тому, кто во мне воистину Я Сам, если сольюсь в своем сознании со своим, во мне вечно живущим и всечасно забвенным ангелом, который – не кто иной, как Я истинный, Я, изначально и впервые сущий, – тогда, светлый и мощный, могу я сказать своему двойнику: «ты – я», и свет мой вспыхнет в нем и сожжет темную личину» (III, 357–358).

Наконец, в упоминавшемся стихотворении из цикла «Бессонницы» вызывающая страх инициатическая встреча с двойником представлена как братоубийство: двойник (помимо всего прочего) называется в нем *убитым братом*, появление которого предвещает гибель самого лирического субъекта: «Друг на друга смотрим оба... / Ты ль, пришлец, восстал из гроба? / Иль уводишь в гроб меня» (II, 309).

¹⁸ См.: *Обатнин Г.* Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)). М., 2000. С. 165–166.

Как кажется, рассмотренный смысловой комплекс получил отражение в цикле «Форель разбивает лед». Инициатический сюжет встречи с двойником-стражем порога в «Форе́ли» трансформируется в сюжет встречи, потери и нового обретения *смертного брата*. При этом первая встреча сопряжена с мотивами братоубийства (во *втором ударе*), а вторая предстает спасением *смертного брата*, воскрешением *близнеца*: подобно тому как у Иванова условие воскресения *истинного Я* заключено в готовности отождествить себя с вобравшим *все низшее и темное* двойником, у Кузмина лишь готовность (несмотря на *отвращенье*) признать *брата* даже в жалком облике *оборванного существа* («Мне все равно, каким тебя послала / Ко мне назад зеленая страна!», 544) может возродить его к новой жизни, образами которой в одиннадцатом ударе становятся эзотерическое посвящение («всхожу на следующую ступень») и алхимическая трансмутация («огонь на золото расплавит медь»).

Путь посвящения, понимаемый Ивановым как внутренний опыт, у Кузмина становится чередой событий, происходящих во внешнем мире: сама физическая реальность создает условия прохождения инициации, для которой не требуется «медиумическое общение или воссоединение с бесплотными существами»¹⁹ и в процессе которой человеческая личность не претерпевает какого-либо «пресуществления». *Мудрая встреча* с возлюбленным лишь высвечивает изначально божественную природу человеческого «я». В ивановской теории личности, «сознающей свое бытие только в утверждении бытия другого конкретного «ты»»²⁰, Кузмин делает акцент на физическом присутствии второго лица: *ты*, встреча с которым раскрывает подлинную природу «я», это не тот, кого он «ощутил внутри себя сущим» (III, 264), а тот, с кем свела его судьба, не другой в самом себе, а просто другой. Поэтому и в самих *близнецах* в «Форе́ли» подчеркивается не их внешнее сходство (коим они не обладают), а невозможность их раздельного существования²¹, ранее тематизированная Кузминым в рассказе «Из записок Тивургия Пенцля» (1920).

¹⁹ Нефедьев Г. В. К истории одного «посвящения»: Вячеслав Иванов и роzenкрейцерство // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М., 2002. С. 200.

²⁰ Котрелев Н. В. К проблеме диалогического персонажа (М. М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 205. Ср.: *Цимборска-Лебода М.* Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. М., 2004. С. 39–50.

²¹ Ср.: Ковзун А. А. О теме близнецов в «Форе́ли» М. А. Кузмина // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. М., 2003. С. 275–277.

Механизм замещения *двойника* подчеркнуто другим²² (хотя и очень близким) человеком²³ лежит в основе трансформации еще одного претекста «Форе́ли». Одним из маркеров символической смерти героя в *восьмом ударе* становится его невосприимчивость к *высшему смыслу* слов, равно как и символическому измерению вещей: «Еще немного – я совсем ослепну, / И станет роза розой, небо небом, / И больше ничего!»; «А счастье для меня то – Эллино́р, / Как роза – роза и окно – окно» (540). «Практически неприкрытая полемика этих строк с теориями акмеистов»²⁴ оттеняет еще один их источник, небольшой *рассказ в одном письме* Юр. Юркуна²⁵ «Двойник» из книги «Рассказы, написанные на Кирочной ул., в доме под № 48» (1916)²⁶, в начале которого упоминаются «розы, которые вечно будут розами, с запахом, который вечно нов, как и то, символ чего это растение»²⁷.

Фабула рассказа также обнаруживает явные параллели с историей страстной любви героя «Форе́ли» к Эллино́р: «Ах! Но только

²² Укажем на еще один любопытный вариант взаимодействия *двойника* и *другого*: в «Новом Гуле» (1924) *двойником* называется отражение лирического субъекта в глазах возлюбленного: «Сегодняшний, крылатый час / Смеется из звенящих глаз / И в глубине, не искривлен, / Двойник мой верно прикреплен» (522). Зеркало глаз позволяет лирическому «я» увидеть «себя в друге как другого» (*Айрапетян В.* Письмо на тему зеркала // *Scando-Slavica*. 1996. Т. 42. № 1. С. 147).

²³ Отметим, что предпринятая И. Паперно интерпретация фигуры возлюбленного в качестве двойника лирического героя Кузмина (*Паперно И.* Двойничество и любовный треугольник: поэтический миф Кузмина и его пушкинская проекция // *Studies in the life and works of Mixail Kuzmin*. Wien, 1989. P. 58–61) представляется нам некорректной: у лирического «ты» могут быть литературные или мифологические двойники, но двойником лирического «я» он отнюдь не становится и так никогда не называется.

²⁴ *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 493. Скептическое отношение Кузмина к акмеизму здесь вполне созвучно восприятию этого течения Вяч. Ивановым (см.: *Blinov V.* Vjačeslav Ivanov and Acmeism: Literary Polemics of 1912–1914 // *Russian Literature*. 1998. Vol. 44. № 3. P. 331–345).

²⁵ Ю. Юркуна также «постоянно занимала тема живых мертвецов» (*Haard E. de.* Проза Юр. Юркуна между неосентиментализмом и эмоционализмом (Литературные отношения с М. Кузминым) // *Russian Literature*. 2000. Vol. 46. № 4. P. 429).

²⁶ Любопытно, что в книге этот рассказ также идет восьмым по счету.

²⁷ *Юркун Ю. И.* Дурная компания: Роман, повесть, рассказы. СПб., 1995. С. 296. Далее цитаты приводятся по этому изданию, с указанием страницы в тексте.

найти Ее... <...> Пойми: Она не простая, обыкновенная смертная <...> «Она» – это та, которая одна единственная для каждого единственного. <...> Эта женщина только для тебя единственно сотворенная, как единственен и ты лишь для Нее» (296). Однако любовь к *Ней* оказывается недолговечной, причиной чего становится встреча нарратора со своим двойником, появившимся из окна: «Но лед, вода меня окатили, когда высокий стройный гусар придвинулся ближе ко мне... Тысячей слов не пересказать... Это был я!» (297). Из весьма невнятного рассказа нарратора о последствиях этой встречи можно сделать вывод, что разрушение любовной связи совместилось с перемещением в пространстве: «Посмотри на штемпель конверта. Я далек ото всего, понимаешь, – ото всего и от той удивительной любви. И произошло это так же сказочно, непонятно во всех отношениях, как и появление этого двойника» (298).

В тексте «Форели» элементы сюжетной и персонажной структуры этого рассказа перераспределяются, а к самому сюжету присоединяется новое звено. Созданными друг для друга оказываются *смертные братья-мужчины* («Мы два крыла – одна душа», 535), которых разлучает вмешательство женщины, причем деталью, подчеркивающей пространственную удаленность *братьев*, становится дважды упомянутый *странный штемпель «Гринок»*²⁸, соответствующий *штемпелю конверта* из рассказа Юркуна. ‘Истинная любовь’ и ‘встреча с женщиной’ становятся у Кузмина не эквивалентными, а противопоставленными семантическими составляющими сюжета. Поэтому претекстовый *двойник*, разрушающий любовь, становится *братом*, спасающим своего *близнеца* от гибели, к которой привела его связь с Эллинор.

Жизненные обстоятельства, откликнувшиеся в «Форели», не раз комментировались исследователями. На отразившийся в персонажной структуре цикла биографический «любовный треугольник» Кузмина, Юркуна и О. Н. Арбениной-Гильдебранд²⁹ проецируется текст, созданный одним из участников этого «треугольника» и «досочиненный» другим: «имплантация» сюжет-

²⁸ Об этом топониме, восходящем к сказке Ш. Нодье «Фея хлебных крошек», см.: *Одесский М.* Топоним «Гринок» в цикле М. А. Кузмина «Фореель разбивает лед» // От Кибирова до Пушкина. К 60-летию Н. А. Богомолова. М., 2010. С. 341–348.

²⁹ О перипетиях взаимоотношений трех людей см.: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. СПб., 2007. С. 391–397.

ной основы рассказа Юркуна в конструктивную схему «Форели» становится иконическим соответствием воссоединения *братьев*. Вполне допустимая у Кузмина ситуация, когда поэт «может ненароком сочинить чужую жизнь и тем изменить свое грядущее»³⁰, мыслится как наполовину осуществившаяся: написанный Юркуном рассказ предвосхитил его встречу с Арбениной. Заменяя *двойника близнецом*, Кузмин умножает число *dramatis personae* литературного сюжета и тем самым создает «вакансию» для еще одного участника сюжета биографического, дальнейшее развитие которого должно соответствовать логике текста, чье воздействие на судьбу его возлюбленного уже подтвердилось. Поэтический цикл превращается в идеальный прообраз реальности.

Схожая форма соотношения искусства и жизни обнаруживается в «Послании на Кавказ», где отыскивается также любопытное соответствие самой лексической формуле *смертный брат*: «От жизни нас искусство возносит / И мы над ней, как боги в небесах, / Нетленные, покоимся, меж тем / Как смертный наш двойник блуждает долу» (III, 57–58). Биографическую реальность *зеркальных двойников «я»*, вызванных появившимся *гостем «с того света»*, сублимирует искусство, которое позволяет человеку выйти за пределы своего эмпирического «я»³¹ к *я истинному*³²: сквозь изменяющееся во времени *лицо* проступает предвечный *лик*³³.

Роль искусства в претворении жизненных обстоятельств в «Форели» оказывается еще более значительной³⁴. Мрачные эпизоды прошлого, воскрешенные *памятью-экономкой* в облике *непрощенных гостей*, грозят повторением в будущем. Поместив их в алхимический сосуд поэзии, где они смешиваются с многочисленными культурными претекстами, Кузмин получает «чистую субстан-

³⁰ Ронен О. Символика Михаила Кузмина в связи с его концепцией книги жизни // Культура русского модернизма. М., 1993. С. 295.

³¹ Ср.: Meerson M. A. Self-transcendence through Art in Viacheslav Ivanov // Europa Orientalis. 2002. Vol. 21. № 1. P. 150–156.

³² Ср. в третьем из «Зимних сонетов» (1920): «Свой гроб влачит двойник мой, раб покорный, / Я ж истинный, плотскому изменя, / Творю вдали свой храм нерукотворный» (III, 569).

³³ Ср.: Bird R. Concepts of the Person in the Symbolists Philosophy of Viacheslav Ivanov // Studies in East European Thought. 2009. Vol. 61. № 3. P. 93–95.

³⁴ Ср.: Malmstad J. Mikhail Kuzmin and the Autobiographical Imperative // Slavonica. 1997. Vol. 4. № 2. P. 21–23.

цию» реальности, которая в силах осуществить «трансмутацию смертного в бессмертное»³⁵, «темного» амбивалентного настоящего в «золото грядущих лет» (528).

³⁵ «Die Transmutation des Sterblichen in das Unsterbliche» (*Meyrink G. Der Engel vom Westlichen Fenster. Leipzig, 1927. S. 245*).

Наши авторы

Алдонина Надежда Борисовна – профессор Самарского гос. педагогического университета

Ботникова Алла Борисовна – профессор (Воронеж)

Вазанова Ольга Константиновна – аспирант Воронежского гос. университета

Геллер Леонид – профессор (Париж, Франция)

Гродецкая Анна Глебовна – ст. научный сотрудник Института русской литературы (Санкт-Петербург)

Гусаков Владимир Леонидович – доцент Воронежского гос. университета

Ермишова Олеся Александровна – аспирант Воронежского гос. университета

Житкова Людмила Николаевна – доцент Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Заварзина Любовь Элеевна – доцент Воронежского гос. педагогического университета

Иваньшина Елена Александровна – профессор Воронежского гос. педагогического университета

Козюра Евгений Олегович – доцент Воронежского гос. университета

Козюра Татьяна Николаевна – доцент Воронежского гос. университета

Корнильева Лилия Николаевна – докторант Харьковского нац. педагогического университета (Украина)

Кретов Алексей Александрович – профессор Воронежского гос. университета

Кудрявцева Татьяна Юрьевна – аспирант Воронежского гос. университета

Кухтина Надежда Ивановна – аспирант Воронежского гос. университета

Ларин Сергей Алексеевич – преподаватель Воронежского гос. университета

Молнар Ангелика – доцент Западно-венгерского университета (Сомбатхей, Венгрия)

Нагина Ксения Алексеевна – доцент Воронежского гос. университета

Недосейкин Михаил Николаевич – доцент Воронежского гос. университета

Овсянников Михаил Семенович – доцент Воронежского гос. педагогического университета

Орехов Борис Валерьевич – Башкирский гос. университет (Уфа)

Пантелеев Игорь Валентинович – доцент Тульского гос. университета

Пестерев Валерий Александрович – профессор Волгоградского гос. университета

Пономарев Евгений Рудольфович – доцент Санкт-Петербургского гос. университета культуры и искусств

Припадчев Анатолий Александрович – профессор Воронежского гос. университета

Розенфельд Марьяна Яковлевна – ст. преподаватель Воронежского гос. университета

Рыбина Мария Сергеевна – ассистент Башкирского гос. педагогического университета (Уфа)

Савинков Сергей Владимирович – профессор Воронежского гос. университета

Соколова Екатерина Васильевна – преподаватель Воронежского гос. педагогического университета

Телятник Марина Александровна – ст. преподаватель Санкт-Петербургского гос. университета культуры и искусств

Тюпа Валерий Игоревич – профессор Российского гос. гуманитарного университета (Москва)

Фаустов Андрей Анатольевич – профессор Воронежского гос. университета

Федоровская Светлана Эдуардовна – Стокгольмский университет (Швеция)

Филюшкина Светлана Николаевна – профессор Воронежского гос. университета

Чернокова Евгения Семеновна – доцент Харьковского нац. экономического университета (Украина)

Чугунов Дмитрий Александрович – профессор Воронежского гос. университета

Штраус Лада – Институт славистики Университета имени В. Гумбольдта (Берлин, Германия)

Щербакова Полина Олеговна – аспирант Воронежского гос. университета

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Вестник литературоведения и языкознания

Выпуск 31

Электронная верстка *К. П. Пенского*

Корректор *Т. Ю. Кудрявцева*

Подп. в печ. 6.06.2013. Форм. бум. 84×108/32

Усл. п. л. 24,7. Заказ 249. Тираж 200

Воронежский государственный университет

394006 Воронеж, Университетская пл., 1

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»

394030, г. Воронеж, ул. Кольцовская, д.23/1

тел. (473) 261-04-75, 261-04-85, 229-79-69

<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru